ДВА ДНЯ В АФРИКАНСКОЙ ПУСТЫНЕ

В пик ташкентского лета — разгар африканской зимы. Какая она, на самом юге? Никогда не думала, что судьба занесет туда, где смыкаются два океана – Атлантический и Индийский, а популярная песенка «В Кейптаунском порту» будет напоминать о реалиях. Там — пирс и корабли, Столовая гора над городом. Отъедешь две-три сотни километров от Кейптауна – плоскогорья и пустыни.

\»Новый век\», №32, 13.8.2009г. **В пик ташкентского лета — разгар африканской зимы. Какая она, на самом юге? Никогда не думала, что судьба занесет туда, где смыкаются два океана – Атлантический и Индийский, а популярная песенка «В Кейптаунском порту» будет напоминать о реалиях. Там — пирс и корабли, Столовая гора над городом. Отъедешь две-три сотни километров от Кейптауна – плоскогорья и пустыни.**

«Сухая сеть»

Мы еще не видели ни моря, ни порта. И вообще только что прилетели. В аэропорту Кейптауна народ с самолета рассосался молниеносно. Но трех пассажиров не встретили. Мы держим в руках одну и ту же программу «Сухой сети» (Драйнет), и ясно, что заодно. Драйнет с 2007 года сплачивает засушливые страны в борьбе с деградацией земли. Участвуют в этом проекте африканские страны, государства Центральной Азии, Индия, Пакистан, Иран, Бразилия, Турция…

В каждой засушливой стране есть наилучшие практики. Подчас и внутри границ о них мало кто знает. Если собирать и распространять, делиться с другими, то можно достичь успеха. Ешим из Турции как раз занимается сбором и распространением наилучших практик у себя в стране, а Игорь из Венгрии будет обучать представителей двух десятков стран продуктивной работе в команде.

Едва познакомились, как в пустоте зала появился запоздавший водитель. Едем в отель, вдоль дорог мелькают пальмы. Солнечно, пустынно и безмятежно. И впрямь радужная страна — так стали называть ЮАР после отмены апартеида в девяностых годах. Мы выгружаемся где-то на городской окраине и встречаем других членов команды. Все

разные. Дело не в цвете кожи или одежде. Мне кажется прикольным, что участники «Сухой сети» из Нидерландов (кстати, глобальная инициатива, дающая будущее засушливым землям, родилась именно в этой незасушливой стране) по ходу дела садятся на пол. Наконец, до всех доходит, что и в Нидерландах влажно, и в Кейптауне пыли нет. В общем, долой стереотипы, принимаем правила игры. Задания в ней направлены на то, чтобы лучше друг друга понимать.

На полу рисуем и пишем на листах ватмана все о себе. Вот эти смешные треугольные человечки – семья. По памяти нарисованная карта страны никаких ассоциаций не вызывает, но буквы на что? Написано «Южно-Африканская Республика». Далее Ноэль из ЮАР показывает на пики, торчащие из земли. На самом деле это кустарник, растущий пучком с множеством мелких иголок, и называется он ройбос. Если ройбос посадить на плантации, собрать, посушить, размельчить, расфасовать, то получится красный чай. Это та наилучшая практика, распространением которой занимаются в африканском вельде Ноэль и его друзья.

Мы с коллегой из Регионального экологического центра представляем страны Центральной Азии и те наилучшие практики, что можно изобразить. «Вот это – солодка. Она любит соль и не боится засухи. Корешки ее сладкие и целебные, а вершки годятся на корм скоту. Выращивание солодкового корня приносит не только доход. Это растение рассоляет деградированные земли». Не все сразу понимают, о каком растении речь. Вспоминаем другое его название – лакрица. Партнеры из Драйнета удивлены и обрадованы: «Лакриша рассоляет почву, неужели?!».

Обмен наилучшими практиками идет каждый день. Конечно, есть Интернет и есть сайт, где публикуются описания наилучших практик. Однако не в каждой пустыне есть компьютер и Интернет. Будем учиться передавать информацию из рук в руки.

Между петроглифами и хижинами

Дискуссии продолжаются и после работы. Очередную вечернюю организаторы встречи обещают провести на берегу. Садится солнце, у берега, словно вываленные из ладони Гулливера, громоздятся валуны. Мы карабкаемся на них, а потом долго стоим, глядя в океан. Холодный ветер напоминает, что хоть мы и в Африке, но в зимней. А назавтра идет дождь, африканцы надевают сапоги, ботинки и теплые куртки. В перерывах между заседаниями наша команда пьет горячий ройбос и пытается согреться. Впрочем, будем готовы к тому, что в пустыне холоднее, градусов десять, а ночевать придется в хижинах.

Сейчас, по прошествии времени и на расстоянии от Африки, двухдневное путешествие кажется долгим и значительным. Запомнилась масса деталей.

Выезжая из Кейптауна, минуем трущобы. В них определенно заботятся о людях, так как есть фонари и, значит, свет. Но дощатые бараки жильем назвать трудно. По статистике половина населения страны проживает в нищете, поэтому велика преступность. Делаем остановку у заправки. В универсальном магазинчике рядом с ней, кажется, есть все. Даже жарятся цыплята и продаются упаковки с дровами. Упаковки еще оценим, когда до нитки

промокнем.
Пока же дождь чуть припугнет и перестанет. Дорога идет в гору. Кажется, забираемся на второй этаж. А на самом деле въезжаем на внутреннее плато – вельд. В ближайшем городке находится офис неправительственной организации, в которой работают Ноэль и его друзья. Здесь в пакетах приготовлен на продажу красный чай и здесь смотрим фильм с историей, как начали его выращивать.

Вообще-то ройбос — культура местная, и коренные жители испокон века использовали полутораметровый кустарник как заварку. С двадцатых годов прошлого века его специально выращивают на плантациях в Седербегрских горах в трехстах километрах от Кейптауна. Неправительственная организация Ноэля организовала туда экскурсию для местных жителей. Вернувшись, они создали кооператив, и теперь зарабатывают на жизнь выращиванием ройбоса. Производится чая в стране четыре тысячи тонн, из них тысяча экспортируется в Европу и Японию.
Вторая наилучшая практика, дающая работу жителям вельда, — организация туризма. Он и экологический, и экстремальный. В африканской деревне для туристов нет каминов и обогревателей. Хижины сплетены из прутьев. Сверху на них наброшены клеенки, но лужи между топчанов подсказывают, что защита надежна лишь отчасти.
Впрочем, дождь перестал, и мы отправляемся в поход. Возглавляет его менеджер деревни со сложным зулусским именем. Он улыбчив и разговорчив. В точке отправления демонстрирует фотоэлектрические батареи: «Завели их в деревне после того, как сломался движок. Движок поменяли, но батареи незаменимы во время концертов, когда нужны и иллюминация, и тишина».
Рядом с деревней энергичная студентка Рода показывает петроглифы: «Здесь жили люди в глубокой древности». Потом после длительного перехода по вельду мы забираемся в гору, и там снова на скалах видим петроглифы. Менеджер-зулус поет, прищелкивая, старинную песню. А мы шутим, что он умеет вызывать дождь.
Пустыня внизу простирается зеленая, как в Узбекистане в апреле, мокрая и бесконечная. Главные чудеса здесь случаются в сентябре-октябре, когда начинается цветение. Биоразнообразие богатейшее – девять тысяч видов, из которых 6200 – эндемики, растущие только в ЮАР. Это ценится, и необыкновенный по красоте цветок королевской протии является национальным символом.

Южный крест

Хижина, похожая на другие, только вместительней и с отверстием в крыше, — это чайхана. Туристов поварихи принимают как желанных гостей. На газовой плите кипит чайник. Еда — с костра. Тут же дрова из прозрачных магазинных упаковок, дымок и тепло. Удивляют большие плоские тарелки, как в ресторане, и завернутые в салфетки ножи с вилками.
Очень не хочется уходить от огня, но менеджер деревни зовет на концерт к наскальным рисункам. Не описать, как танцевали коленками артисты. Три парня и три девушки не были в национальных нарядах, но не иначе их необычная одежда из времен первых колонизаторов. Звучала гитара, а под нее зулусские песни. Были, вероятно, и смешные —

над ними весело смеялись местные девушки из нашей компании. Мы тоже смеялись, наверное, потому, что это было настоящее искусство.
А потом подняли глаза в небо и замерли. Разъяснилось. В черном небе светлый Млечный путь и мириады звезд. Не было «медведиц», сиял Южный крест.
Ночь прошла без дождя. В пять подъем, в шесть выезд. По небу тянутся розовые облака. Дорогу перед автобусом перебегают белые ангорские козы с черными головами, и весь автобус живо обсуждает: «Козы-то породистые!». В самом деле, в этом особенность животноводства ЮАР. 75 процентов козьего стада – ангорские. С них за год стригут 92 тысячи тонн шерсти, и с этим настригом страна занимает четвертое место в мире. Разводят здесь и бурских коз, но они идут на мясо.
Есть еще статистика, удивляющая прибывших. Только три процента работоспособного населения ЮАР заняты в сельском хозяйстве. При этом республика полностью обеспечивает внутренние потребности в продуктах питания и экспортирует 140 видов фруктов. На долю сельского хозяйства приходится 35-40 процентов экспорта. Страна засушливая, но земля не деградирует, поскольку применяются высокие технологии.

Аренда против браконьеров

У этой заповедной территории всего пятнадцать гектаров. Боюсь ошибиться в названии, но на слух что-то вроде Ниеувулдтвиля. На каком языке слово и что означает, сказать не берусь. Официальных языков в ЮАР – одиннадцать, включая африкаанс, английский, зулу, коса, свати… Страна эта — одна из самых этнически разнообразных.
Главные достопримечательности заповедника, помимо биоразнообразия, геологические. Река течет по каньону, и в нее с девяностометровой высоты красиво и мощно низвергается водопад. Под дождем, кроме нас из «Сухой сети», никого нет — ни охраны, ни кассиров, ни туристов. Смотрим, фотографируем и бежим к автобусу.
Далее по программе знакомство с еще одной наилучшей практикой засушливой ЮАР – разведением лесов. Естественные леса на территории страны занимают всего 0,14 процента. А на территории в один процент от общей площади ведутся лесопосадки для получения деловой древесины. Примерно половину составляет сосна, часть искусственного леса занимают эвкалипт и мимоза. Также в лесах выращивают желтое и черное дерево, капский лавр. Отличие этих искусственных лесов от европейских в том, что быстро растут, всего за двадцать лет. Ежегодно заготавливается в стране и поступает на местный рынок 17 млн кубометров кондиционной древесины.

Но у нас времени в обрез, и в эти леса мы не поедем. Зато можем пойти пешком на участки реликтового леса, что отданы в аренду. Они неподалеку. «Арендаторы охраняют деревья, собирают урожай и борются с браконьерами», — так нам говорят, предлагая определиться. Автобус замер в какой-то бесконечной луже, ливень размыл дорогу. Сейчас на засушливый край Южная Африка никак не похожа. Случается, когда в году 360 дней солнечно. И тогда зима без дождей, тогда проблемы с водой и

возникают предложения по регулированию стока рек. Но пока на это в стране не решились, много аргументов против.
В нашем случае много аргументов «за»: когда еще попадем в зимнюю Африку. Впрочем, шлепая по лужам, сами не понимаем, ради чего мокнем и мерзнем. Ну, подумаешь, реликтовые деревья… Вертится ветряк у дороги, поднимая воду из низин в бетонную емкость. Мы пропитываемся влагой. Огромные площади, будто рисовые чеки во время полива, отражают тяжелые облака. Реликтовые деревья мы видим на склоне и понимаем, что не зря сюда шлепали, они — чудо природы.
Автобус возвращается в Кейптаун к ночи. Позади два коротких зимних дня в дождливой пустыне. Завтра мы разъезжаемся по своим странам с новым опытом, впечатлениями и чувством локтя в «Сухой сети».

Наталия ШУЛЕПИНА
\»Новый век\», №32, 13.8.2009г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

13.08.2009